

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

КРИК ФИЛИНА

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов

Крик филина

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Крик филина / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2023 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-192952-7

Демобилизованный лейтенант Илья Журавлев возвращается с фронта. Однако дорога домой оборачивается для него неожиданным происшествием: на лесном участке на железнодорожный состав нападают бандиты. Многие пассажиры перебиты, практически все ограблены. Чудом уцелевший Журавлев добирается до местного райотдела милиции. Там старший оперуполномоченный угро капитан Клим Орлов привлекает фронтовика к операции по поимке головорезов. Известно, что банда готовит нападение на сберкассу. Но когда и какими силами?.. Илья еще не знает, что ответить на эти вопросы поможет одно его случайное знакомство... Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории – в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192952-7

© Шарапов В. Г., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава I	7
Глава II	11
Глава III	16
Глава IV	22
Глава V	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валерий Шарапов

Крик филина

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава I

Поезд медленно двигался на подъем, натужно пыхтя, как загнанная кляча, время от времени сердито подавая простуженный голос. Состав шел среди смешанного леса, мрачной стеной чернеющего по сторонам. От этого летняя безлунная ночь казалась еще темнее, вплотную подступая к вагонам. И лишь вверху, в бездонной вышине, виднелись далекие звезды, словно рассыпанное по двору просо, да изредка низко пролетали яркие красные искры. Остро пахло горячей золой, серый дым пластался по-над крышами мерно покачивающихся вагонов.

Лейтенант Илья Журавлев, подложив под голову вещмешок, набитый трофейными гостинцами для родни, ехал на крыше, как и еще десятка три красноармейцев, которым не досталось места в вагонах, заполненных возвращавшимися с фронта и из госпиталей солдатами. Много было здесь и гражданских, особенно баб с мешками и корзинами.

За годы войны артиллерийская канонада до того осточертела, что даже монотонный сдвоенный звук колесных пар и глухие удары металлических сцепок друг о друга не мешали ему наслаждаться лесной тишиной. А когда где-то неподалеку внезапно раздался пронзительный крик филина, Илье вообще показалось, что он находится у себя дома, потому что в дупле могучего дуба, посаженного еще прадедом Капитоном в палисаднике, много лет жил старый лупоглазый филин с седыми кисточками на кончиках ушей.

«Небось какая-нибудь животино спугнула осторожную птицу», – подумал с улыбкой Илья, и почему-то сразу же ему представился одинокий отощавший волк, которых, говорят, за войну здесь развелось бесчисленное количество. Его и самого ретивые ребята из разведки, где он командовал взводом, иногда в шутку называли тамбовским волком, потому что ему не раз приходилось ночью в одиночку ходить в тыл противника и возвращаться с «языком» на горбу. За красивые глаза в полковой разведке орден Славы не дают. А у лейтенанта Журавлева их целых два. И еще орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» и нашивки за ранения: три красные за легкие и две золотые за тяжелые. Особенно сказывается контузия в правую ногу, когда она в какой-то момент вдруг по непонятной причине отказывается сгибаться в стопе, пока не уколешь в определенном месте острым предметом. На этот случай он даже специально носит с собой за подкладкой английскую булавку.

Поездом Илья Журавлев добирался из Тамбова до Инжавино, заштатного пыльного городишка, откуда ему предстояло пройти по проселочным дорогам еще около шестидесяти километров до своей деревеньки Красавки, затерянной в лесном захолустье. Давно, еще от бабушки Ксении, он слышал историю о том, что в старину у одного помещика была очень красивая крепостная девка, которая утопилась в реке Вороне после того, как старый ловелас ее изнасиловал. Поэтому его деревня так теперь и называется.

– Родная моя сторонущка, – прошептал Журавлев, засыпая под мерный перестук колесных пар, тая на обветренных, еще ни разу не отмеченных девичьим жарким поцелуем губах мечтательную улыбку, прижимаясь щекой, обросшей за три дня жесткой щетиной, к теплому брезентовому вещмешку.

Дальнейшие события стали раскручиваться со стремительной скоростью, как будто молодой лейтенант внезапно провалился в очередной страшный сон, которых он успел сполна наглядеться во время короткого забытья на войне. Спереди неожиданно раздалась душераздирающие женские крики, мужские заполошные матюги; темные фигуры людей принялись по непонятной причине слетать с крыши под откос, беспорядочно кувыркаясь вместе со своими баулами и корзинами. Некоторые из пассажиров падали между вагонами на шпалы, и их предсмертные крики резали уши, казалось бы, ко всему привычного Ильи, звонким эхом отражаясь в лесной глуши.

Совершенно ошеломленный многоголосым шумом, лейтенант поспешно приподнялся, напряженно вгляделся в мутную синеву впереди состава.

– Что за черт? – выругался Журавлев, с трудом разглядывая опустевшие крыши, которые еще недавно были густо забиты демобилизованными веселыми красноармейцами и без меры говорливыми бабами. – Ничего не понимаю.

В эту минуту его плеча коснулось что-то упругое и тонкое, но настолько мощное, что Журавлеву вмиг стало понятно, что он физически бессилен против невидимого предмета. За какие-то доли секунды он едва успел выставить перед собой руку, чтобы уберечь от непонятной угрозы свое лицо, шершавую ладонь тотчас обожгло тугим, как натянутая струна, тонким металлическими тросом, очевидно натянутым между двумя могучими деревьями по разные стороны железнодорожного полотна.

Мозг Ильи, привыкший на войне к самым опасным и стремительно меняющимся ситуациям, и в этот раз сработал очень четко: практически неосознанно, на автомате, парень сгруппировался и без звука кувырком полетел с крыши идущего на полном ходу поезда в крошечную тьму внизу. Фуражка слетела с головы – удар затылком о твердую поверхность был такой силы, что Журавлев на какое-то время потерял сознание.

Когда он очнулся, в ушах стоял непрекращающийся монотонный шум, словно гудели одновременно несколько тракторов. Он не сразу смог разобрать мужские голоса. Вначале Илья увидел желтые колеблющиеся блики света, исходившие от множества фонарей «летучая мышь», и никак не мог взять в толк, что же здесь на самом деле происходит. Невыносимо болел затылок. Он осторожно ощупал его: по тому, как ладонь сразу же сделалась липкой и приторно запахло горячей кровью, стало понятно, что голова пострадала знатно. Но это были сущие пустяки по сравнению с тем, что вскоре предстояло ему увидеть.

Когда в голове немного прояснилось, Илья явственно разглядел людей, одетых в гражданскую одежду, явно с чужого плеча. Многие из них были с немецкими трофейными автоматами на груди, а у одного, в дым пьяного, за спиной болтался пулемет Дегтярева. Незнакомцы с деловой проворностью подбирали валявшиеся на земле узлы, баулы с вещами, корзины с галдящей домашней птицей со связанными по-хозяйски крыльями и лапами.

Пока лейтенант с тревогой наблюдал сквозь подрагивающие ресницы за бандитами, орудующими на насыпи, непривычный шум в ушах немного поутих, и он смог расслышать, как переговариваются налетчики.

– Мерзлый, – прохрипел косматый мужик с фонарем в одной руке, другой волочивший за собой огромный баул с вещами, – возьми у этой марухи узел с одежкой. Он ей уже без надобности. – Косматый приблизил фонарь к лицу лежавшей на спине тетки, нагнулся, всматриваясь в правильные черты еще не старой женщины с бессовестно задранным подолом зеленой юбки, с оголившимися бледными полными ногами. – Влупить бы суке по самое не хочу...

К нему подошел высокий мужик в обвислом пиджаке, должно быть тот самый Мерзлый тоже наклонился над женщиной.

– Красивая стерва, – хмыкнул он дрожащим от волнения голосом, по всему видно, внутри своей грязной душонки соглашаясь со скабрёзными мыслями приятеля. – Но это мы сейчас быстро поправим. – Не сводя хмурого взгляда с женского лица, которое и после смерти оставалось все таким же приятным, раздувая темные ноздри крючковатого, как у стервятника, узкого носа, Мерзлый медленно стянул с плеча ППШ и, коротко размахнувшись, с силой ударил тяжелым прикладом женщину по голове.

Илья слышал, как хрустнули кости, и еще минуту назад целое лицо с сохранившимся легким румянцем на полных щеках вмиг превратилось в кровавое месиво. От бессилия что-либо предпринять парень что есть силы вцепился в траву, уткнулся подбородком в землю и зло заплакал, кусая обветренные губы.

– Гы-гы, – осклабился сгнившими от чифиря редкими зубами косматый мужик и, высоко подняв фонарь, пошел дальше с хищным выражением на вытянутой, как у лошади, морде, поглядывая по сторонам и выискивая, чем еще можно поживиться.

– Братва, гармонь! – вдруг по-мальчишески радостно воскликнул невысокий бандит, обнаружив красноармейца с трофейным немецким аккордеоном.

Тот лежал возле цветущих алых кустов шиповника, крепко обняв инструмент, как драгоценный предмет, который он прихватил из самого Берлина и бережно провез через всю Европу, чтобы сыграть в деревне перед девушками. Всем известно, что для любого настоящего гармониста нет ничего дороже его гармони на всем белом свете.

– Братва, теперь будет чем повеселиться!

– Повезло тебе, Симпатыга, – отозвался низкорослый широкоплечий бандит, похожий своей квадратной фигурой на рекордсмена-штангиста; он бродил, нагруженный баулами, связанными между собой и перекинутыми через мощное плечо. – Семыча с его бабой будешь развлекать.

– А то, – самодовольно заявил Симпатыга. – Аккордеон – это тебе, Колун, не какая-нибудь захудалая гармонь. Ни одна девка, даже самая приличная, перед ним не сможет устоять, враз отдастся. Штабелями будут передо мной падать. Так что теперь я отказу иметь не буду, даже не надейся.

Бандиты, слушавшие их разговор, дружно заржали.

Симпатыга проворно закинул за спину «Шмайсер» и стал с лихорадочной поспешностью освобождать аккордеон из крепких объятий красноармейца. Но хитрый боец, притворявшийся мертвым, подобной наглости стерпеть не смог, чем себя и выдал.

– Не тронь инструмент, – сквозь зубы процедил он, вцепившись в аккордеон еще сильнее, – морда бандитская.

Симпатыга, не ожидавший, что свалившийся с крыши на полном ходу красноармеец не свернет себе шею, а выживет, к тому же окажет решительное сопротивление, поначалу растерялся, но потом вступил в борьбу, не желая расставаться с драгоценным инструментом.

– Отдай, курва, – сипел он, не выпуская аккордеон из рук. – Убью, сволочь!

Натужно пыхтя, они с переменным успехом тянули инструмент каждый на себя, обзывая друг друга самыми обидными словами.

– Не рыпайся, сисенок, – со злобным рычанием обозвал смелого красноармейца подошедший рослый бандит в длиннополном пальто нараспашку и несколько раз выстрелил ему из нагана в голову. – Здесь тебе не фронт, гнида подколотная!

Солдат мгновенно обмяк, пальцы разжались; он выгнулся в пояснице, запрокинув голову с растрепанными белесыми волосами, выскреб каблуками кирзовых сапог ямку в земле и затих. Кровь, хлынувшая алыми фонтанчиками из его потного от ожесточенной борьбы загорелого лба, запятнала горячими брызгами лицо Симпатыги.

– Семыч, курва, – озлился тот и принялся с безразличностью лихорадочно обтирать рукавом светлой рубахи чужую кровь со своего лица, – поаккуратнее нельзя было?

– Нельзя, – сурово буркнул Семыч и, уходя, приказал: – Сапоги с него на память сними. Они справные, еще послужат.

В разных местах стали раздаваться выстрелы: бандиты принялись с особой жестокостью добивать уцелевших при падении людей, чтобы не оставить в живых ни одного свидетеля на случай, если банду вдруг накроет милиция.

Журавлев, плотно прижимаясь к влажной траве, с осторожностью, чтобы не привлечь внимания, пополз в ближайшие кусты орешника. Но, увидев, что к нему направляется один из бандитов, неимоверно длинный, покачивающийся при каждом шаге, словно каланча на ветру, тотчас замер, не дыша, с таким расчетом, чтобы в случае явной опасности все же можно было скрыться в лесу.

Бандит с ходу пнул его ногой в бок, переворачивая на спину. Илья, стерпев острую боль, податливо перевернулся, отчего его рука безвольно откинулась в сторону.

– Опаньки! – обрадовался бандит, по-воровски востроглазо разглядев на руке Журавлева офицерские трофейные часы со светящимся циферблатом. – Подфартило!

Он присел на корточки, склонился над трофеем, разглядывая кожаный ремешок.

– Фитиль, – окликнул бандита его приятель, – чего там?

– Все ништяк, – торопливо отозвался осекшимся от волнения голосом Фитиль, заметно переживая, что ценные «котлы» могут достаться не ему, и засуетился, расстегивая тугой ремешок.

В этот самый момент Илья стремительно схватил его за горло, подмял под себя и точным, выверенным движением свернул ворюге тонкую шею. Бандит от неожиданности даже ничего не успел сообразить, лишь коротко всхрипнул; позвонки хрустнули, и он безвольным кулем распластался на земле.

– Фитиль, чего там у тебя? – вновь окликнул его прежний голос. – Чего как поросенок хрюкаешь?

Журавлев мгновенно обшарил одежду бандита, пытаясь найти у него какие-либо документы, чтобы впоследствии милиция смогла определить личность налетчика. Но кроме позолоченного портсигара, блеснувшего желтым цветом в далеком свете колеблющегося огня, исходявшего от фонаря «летучая мышь», ничего не обнаружил.

– Фитиль, чего молчишь? – опять раздался настырный голос приятеля, который, как видно, беспокоился, что его кореш разживется чем-нибудь ценным без него. – Сволочь, не молчи! – Напарник решительно направился к кустам, откуда последний раз отозвался притихший уже Фитиль.

Илья хотел было прихватить с собой немецкий автомат убитого, но, увидев приближающуюся темную фигуру, мигом передумал и проворно пополз в сумрачный лес. Скрывшись за деревьями, лейтенант торопливо поднялся и быстро, насколько это было возможно в непроглядной ночи, побежал в сторону ушедшего поезда, время от времени еще подававшего приглушенные расстоянием пронзительные гудки.

– Братва! – услышал Журавлев через минуту тревожный голос за спиной. – Какая-то мразь Фитиля завалила. Голыми руками, сука, прикиньте.

Среди деревьев далеко позади замелькал слабый луч ручного фонаря «жучок», но его мощности не хватало даже на то, чтобы пробить сгущавшуюся перед рассветом тьму на несколько шагов, и скоро погоня отстала.

– Мы эту суку, которая нашего Фитиля на тот свет отправила, в Инжавино подстережем, – пообещал разъяренный Семыч. – Некуда ему больше податься. Там мы с ним и поквитаемся. Зуб даю! Плешивый, – уже более спокойно, но по-прежнему сурово окликнул он свою «шестерку», – отправь Малого посыльным, чтобы предупредил про нашего гостя.

Глава II

Окраина Инжавино выглядела для районного городка довольно убого. Улицы густо заросли травой-муравой. А все оттого, что это были не широкие ухоженные проспекты, которые Журавлеву приходилось видеть в Европе, а самые обыкновенные улочки и переулки, до того узкие и кривые, что чужому человеку недолго было среди них и заблудиться.

Свойственная российской глубинке разруха и нищета, особенно наблюдавшиеся в послевоенное время, для глаз деревенского жителя были привычны, а вот наличие высокой просторной голубятни, которую Илья разглядел, как только выбрался из леса, его приятно удивило. До войны он и сам был любитель возиться с голубями, держал на чердаке три пары сизарей. А тут были не какие-нибудь одомашненные сизари, а красивые зобастые дутыши, которые на недостижимой высоте кружили крошечной стайкой, словно выпущенная из охотничьего ружья мелкая дробь. Они время от времени забавно кувыркались, устремлялись вниз, трепеща крыльями, и вновь взмывали в безоблачное голубое небо, наполненное солнечным светом.

Илья, прошедший в пути четыре часа без отдыха, успевший за короткое время отмахать не менее тридцати километров, остановился отдохнуть, а заодно полюбоваться виртуозным полетом голубей. Тяжело дыша, лейтенант оперся руками на ограду, не сводя восхищенных глаз с белобрысого мальчишки с лицом конопатым, как перепелиное яйцо, в заношенном облезлом картузе с рваным козырьком. Счастливый обладатель прекрасных птиц стоял на крыше голубятни, по-хозяйски широко расставив босые ноги, и, сунув в рот грязные пальцы, лихо свистел, не давая голубям приземлиться на высокие поперечные жердочки, возвышавшиеся над их жилищем. Верховой теплый ветер колыхал на мальчишке синюю рубаху в крупную клетку и широкие, когда-то коричневые, а теперь вылинявшие до ржавого цвета, обтрепанные снизу штаны.

Недолго передохнув, Илья последний раз оглянулся, быстро скользнув глазами по лесной кромке, по блестящим на солнце отполированным годами колесными парами рельсам, которых он всю дорогу придерживался, чтобы не сбиться с пути в незнакомой местности, поправил на плече вещмешок и торопливо зашагал вдоль улицы, заросшей выгоревшей рыжей травой.

Не успел он скрыться в ближайшем переулке, как мальчишка, до этой минуты, казалось бы, занятый голубями, проворно спустился по лестнице на землю. Внизу он деловито подтянул сползавшие штаны, поспешно вытер рукой зеленую соплю под носом, ловко пролез в щель между штaketником из палисадника наружу и на всех парах понесся напрямик по соседским огородам, приминая босыми ногами зеленую картофельную ботву. Вскоре он уже нетерпеливо барабанил в дребезжащее единственное оконце саманного сарая, сиротливо приютившегося далеко на задах, возле крутого склона оврага, как будто специально запрятанного от любопытных людских глаз среди разросшихся кустов сирени.

– Чекан, а Чекан, – то и дело оглядываясь, поспешно затараторил он, увидев приникшее изнутри знакомое лицо, и отчаянно замахал замызганной ладошкой, – выйди на минуту.

Скрипнула покосившаяся дощатая дверь сарая, и на улицу вышел ладно скроенный парень в объемном пиджаке, впопыхах наброшенном на плечи. Его всклокоченные темные волосы с застрявшими в них былинками разнотравья путано топорщились из-под лихо заломленной на затылок кепки. Он озабоченно взглянул по сторонам по-хорьби карими с прищуром глазами, которые у него на одном месте долго не задерживались, а все время испуганно бегали по сторонам.

– Чего гремишь, Сопля, – возмущенным голосом поинтересовался парень. – Не видишь, я тут с бабой... это самое... культурно отдыхаю?

– Чекан, Чекан, – возбужденно заговорил мальчишка, торопливо оглянулся и перешел на свистящий шепот: – Я видел на нашей улице чужака... военного... он из леса вышел. Все как ты говорил. С тебя причитается червонец.

– Разберемся, – буркнул Чекан и осклабился, обнажая золотую фикса, умело сделанную тюремным специалистом из самоварного металла. – А ты, Сопля, парень что надо! – Он одобритительно хлопнул широкой ладонью своего осведомителя по костлявому плечу. – А не слюняй какой-нибудь. Показывай, куда эта гнида лыжи наострила?

Чекан хоть и был едва ли не самым молодым членом банды, но уже имел на своем счету несколько загубленных жизней и среди таких же, как и он, отморожков слыл матерым уркаганом. Он проворно сунул крепкие руки в рукава пиджака, затем быстро заглянул в сарай, где на сене безмятежно лежала голая девка. Чекан с ухмылкой поглядел на ее бесстыдно раскинутые длинные ноги, отсвечивающие в мутном солнечном луче, едва пробивавшемся сквозь пыльное оконце, бледными ляжками, и жизнерадостно крикнул:

– Зинка, паскуда, дожись меня, смотри куда не усисти, удавлю, суку.

Он тщательно притворил дверь, секунду подумал и для надежности закрыл ее на накладку, вставив в пробой металлический шкворень от колеса телеги, валявшийся неподалеку.

Управившись с сараем, Чекан деловито отряхнул ладони и уже озабоченным голосом приказал:

– Сопля, води меня на встречу с этим мужиком.

Мальчишка услужливо вытянул худую руку, указав грязным пальцем с обгрызенным ногтем в сторону видневшихся вдалеке хозяйственных построек.

– Чекан, он туда пошел! – И побежал первым, указывая дорогу.

Тем временем Илья Журавлев размеренно шагал по улице, с любопытством поглядывая по сторонам. Увидев возле покосившейся саманной хаты одиноко сидящего на лавке косматого старика, заросшего седой бородой, как Николай Угодник, лейтенант хмыкнул и направился к нему. Старик сидел, сгорбившись, и задумчиво водил по земле концом отполированной мозолистой ладонью палки, вырисовывая непонятные узоры. Несмотря на летний месяц, он был одет в теплый стеганый ватник и валенки, на голове его красовался нахлобученный по самые морщинистые мочки ушей потрепанный треух. Один его клапан был слегка приподнят, как ухо охотничьей собаки.

Илья уважительно поздоровался со стариком, стараясь не выказывать свое шутейное отношение к непривычной для него картинке.

– Кровь уже холодная, не греет, – объяснил старик, заметив лукавые огоньки в темно-синих живых глазах военного. – А так ниче, жить ишшо можно. Лет до ста, думаю, протянуть. Ежели, конечно, бандиты не убьют. А ты, случаем, не из них будешь?

– Демобилизованный я, – с улыбкой ответил Илья. – С фронта домой возвращаюсь. А что, сильно пошаливают?

– Так и кишат, как гольцы в пруду, – с горечью вздохнул старик. – Никакого с ними сладу. Почти што каждый день в поселок набегают, грабуют народ честной, девок насилуют. А из хат тащат все, что для жизни пригодно. Я уж подумываю выходить на улицу сразу во всем чистом, чтобы потом у старухи заботы меньше было. – Старик невесело усмехнулся. – Так вот и живем. А ты чаво, заплутал али как?

– Бандиты в лесу напали на наш поезд. – Илья не стал скрывать от словоохотливого старика ночное происшествие. – Металлический трос натянули поперек пути, и всех, кто попадал наземь, из оружия положили, сволочи.

– А ты чаво ж от бандюгов еще ожидал? – как будто даже удивился старик, как видно умудренный жизненным опытом. – Да и тебе надобно уезжать отсель, пока не убили. С них станется. У нас даже своей милиции тут нету. Всех подчистую искоренили бандиты. Вон один

милиционер каждый день приезжает на мотоциклете из Кирсанова, а так, чтобы свои были, такого давно уже нет. Да и этот приедет как ошпаренный, посидит у себя в каморке до полудня и быстрее тикать к себе в отделение, пока самого не застрелили. Нет у нас, мил человек, советской власти на сегодняшний день в городе, нету, – с горечью закончил старик и опять приуныл, как будто выдохся, принялся опять водить концом палки по земле, как будто потеряв всякий интерес к Илье.

Журавлев еще немного постоял, размышляя над его словами; болезненно морщась, осторожно ощупал пострадавший затылок со свалывшимися от крови волосами, затем растопыренной пятерней привычно зачесал свисавший на глаза волнистый чуб назад и с легким беспокойством спросил:

– Отец, а не подскажешь, где у вас эта самая милицейская каморка находится?

Старик поднял голову, и на Журавлева в упор глянули выпуклые белесые глаза, кустистые брови медленно поползли вверх, словно удивляясь, что прохожий еще находится здесь.

– А вон там и есть его каморка, – почему-то с неохотой ответил до этого разговорчивый старик и кивнул в конец улицы, где располагалось приземистое кирпичное здание с коваными решетками на двух небольших окошках, больше похожих на амбразуры.

– Благодарствую. – Илья круто развернулся и быстрыми шагами, не оглядываясь, направился в указанную сторону.

Он не видел, как к старику подошел Чекан и, поглядывая вслед Журавлеву, что-то нетерпеливо спросил. Потом вынул из кармана пиджака пачку папирос, ловким щелчком выбил папиросу, по-быстрому прикурил от самодельной зажигалки и небрежным жестом сунул обслонявленный мундштук старику в зубы.

Недобро ухмыльнувшись и сверкнув на солнце фиксой из самоварного золота, Чекан летящей походкой пересек двор, опершись левой рукой о штaketник, ловко перепрыгнул через ограду и, низко пригибаясь, почти касаясь руками травы, побежал садами, опережая Журавлева.

Забежав далеко вперед, Чекан как ни в чем не бывало стремительно вышел из калитки. Скрывая лицо, надвинул новенькую кепку на глаза, вдруг ставшие колючими и ледяными до отвращения, как у рыбы камбалы, и пошел навстречу Илье. Для пушей убедительности делая вид, что он просто прогуливается на свежем воздухе, молодой уголовник, засунув руки глубоко в карманы широких штанин, принялся с самым беззаботным видом усердно насвистывать, поблатному выбрасывая ноги в желтых штиблетах. Поравнявшись с ничем не подозревавшим Ильей, Чекан внезапно выдернул из кармана руку с выкидным ножом и молниеносным движением ударил лейтенанта в грудь острым, как бритва, лезвием.

К его изумлению, нож не вошел между ребрами, как уже бывало не раз, а внезапно уперся во что-то твердое, находящееся в кармане военного. Затем лезвие скользнуло вбок, лишь немного располозова выгоревшую на солнце, пропахшую потом гимнастерку, оцарапав кожу под мышкой.

От неожиданности Чекан на какой-то миг растерялся, чем незамедлительно воспользовался лейтенант, привыкший за годы войны действовать четко и молниеносно. Он резко развернулся на каблуках и без замаха коротко ударил носком пыльного сапога урку между ног, а когда тот согнулся от невыносимой боли в паху, нанес резкий удар ребром ладони в основание черепа. Чекан как подкошенный рухнул на землю, выронив нож с цветной сборной ручкой из плексигласа. Катаясь по земле и скрежеща зубами, он злобно рычал, то и дело показывая влажную от слюны золотистую фиксу:

– Падла, век воли не видать. Ответишь, гнида, за беспредел.

Журавлев надавил ему коленом на позвоночник, ловким приемом заломил руку за спину:

– Не рыпайся, сволочь, а то руку сломаю.

Он быстро поднял нож и, мимоходом оглядев его, нажал пружинку – лезвие тотчас втянулось обратно в рукоятку, сияющую на солнце всеми цветами радуги. Дивясь неизвестному умельцу, изготовившему столь совершенное холодное оружие, Илья сокрушенно покачал головой и со словами: «Занятная штучка!» – по-хозяйски спрятал нож в карман своих галифе.

– Поднимайся, урка! – неожиданно рассвирепел Журавлев. – Разлегся тут, понимаешь, как в гостях! – Он вынул из нагрудного кармана гимнастерки слегка помятый портсигар, оглядел его со всех сторон и с сожалением сказал: – Гад, такую красоту испортил.

Он бесцеремонно сгреб Чекана за воротник, с силой встряхнул его и легко поставил на ноги.

– Давай, топай в отделение, – приказал он и, чтобы придать заартачившемуся Чекану дополнительную скорость, с удовольствием поддал ему коленом под зад. – Шевелись!

Всю дальнейшую дорогу до одноэтажного здания местной милиции, выкрашенного на удивление ядовитой желтой краской, с грубыми решетками на окнах, молодой уголовник двигался боком, неловко вывернув голову, злобно сверкая из-под кепки хорыми глазами и громко матерясь, как заправский уркаган, суля своему конвоиру самые ужасные кары.

– Эк тебя сегодня забирает, – с радостью, что сумел обезвредить опасного бандита, бодро отвечал Журавлев. – А вчера тебя, паря, позднее забирало.

До отделения им оставалось пройти не больше ста шагов, как неожиданно из палисадника, заросшего розовыми мальвами, высунулась знакомая белобрысая голова конопатого мальчишки в картузе, который, оказывается, все это время незаметно следовал за Чеканом. Стараясь не попасться на глаза военному, владеющему приемами рукопашного боя, прячась в тени пыльных кустарников цветущей сирени, Сопля продолжал их сопровождать, выжидая подходящий момент для нападения на конвоира. Увидев только что незнакомца в деле, решиться мальчишке на столь безрассудный поступок было непросто.

– Ну, фраер залетный, попомни мои верные слова, – никак не мог успокоиться Чекан, – пера ты моего рано или поздно все равно не минуешь.

– Оставь соловьиные трели для местных барышень, – беспечно отвечал Журавлев, с малых лет обладающий несгибаемым характером, а в некоторых случаях даже своенравным и дерзким до невозможности, – мне они ни к чему.

Сопля для себя уже придумал: как только Чекан с военным будут проходить вблизи ограды, он прыгнет чужаку на спину, давая возможность корешу скрыться.

Но тут ему на глаза попался увесистый камень, и новое решение пришло само собой.

Глаза у Сопли загорелись; он поднял находку, ловко перелез с ней через ограду, на дрожащих от волнения ногах подбежал сзади к Журавлеву и со всей мальчишеской дури обрушил камень на его голову, и без того пострадавшую в ночном происшествии. Илья замер, будто внезапно наткнулся на невидимую преграду, выпрямился, выпустив кисть Чекана из своих ослабевших рук, ноги у него подкосились, и он рухнул в мягкую пыль на безлюдной проселочной дороге.

– Сматываемся, Чекан! – запальчиво крикнул Сопля. – Ну, чего ты?

Не ответив, Чекан с глухим раздражением оттолкнул мальчишку, подскочил к распластанному на земле обидчику и принялся с яростью, хлеставшей из него через край, как помой из переполненного отхожего ведра, наносить удары ногами по мягкому податливому телу, нимало не заботясь, что при этом могут пострадать его щегольские штиблеты.

– Вот и настал, падла, час расплаты! – с каждым ударом все больше распаляясь, кричал он, озлобленно скаля зубы: – Забью до смерти!

Чекан с хаканьем подскакивал, взмахивал руками, будто отплясывал что-то необыкновенно веселое, задорное. Было заметно, что такая расправа доставляет ему огромное удовольствие, он даже на время забыл о своем ноже с выкидным лезвием, настолько был увлечен.

Внутри у Ильи что-то гулко екало, как у загнанной лошади, он испытывал такую сильную боль, что его сухое поджарое тело непроизвольно сжималось и корчилось. Неизвестно, как долго продолжалась бы эта жуткая катавасия, если бы вдруг на проселочной дороге не показался мотоциклист. Шум мотора нарастал, и вскоре уже можно было разглядеть самого ездока, одетого в милицейскую форму. Увидев, что впереди происходит драка, милиционер прибавил скорости, на ходу вынимая из потертой кобуры табельный пистолет ТТ.

– Легавый! – испуганно крикнул Сопля, проворно развернулся на черствых, покрытых корками запекшейся грязи пятках и мигом скрылся в ближайших кустах сирени.

– Стоять! – в бешенстве заорал участковый и дважды выстрелил вверх.

Выстрелы немного отрезвили забубенную головушку не в меру разбушевавшегося Чекана, он последний раз пнул Илью и козлом сиганул через ограду в ближайший палисадник.

Милиционер, не слезая с мотоцикла и не глуша мотор, склонился над лежащим, настоженно бросая быстрые взгляды по сторонам.

– Эй, парень, ты живой? Ишь, как они тебя, изверги, отделали. Сам поднимешься или помочь?

Илья зашевелился, уперся ладонями в землю и тяжело, словно немощный старик, поднялся на ноги. Постоял, слегка покачиваясь, потом осторожно, морщась от невыносимой боли в голове, ощупал кровоточащий затылок.

– Вот заразы, – сказал он со сдержанной усмешкой, – другой раз, и все по тому же месту. Что за напасть такая?

Он внимательно посмотрел на милиционера, осунувшееся лицо которого выглядело усталым, да и сам он весь выглядел измотанным, даже его чернявые усы и те уныло свисали к уголкам губ; на его медаль «За отвагу» на груди, на золотую нашивку по ранению. Затем с любопытством оглядел «Харлей-Девидсон», поставляемый американцами по ленд-лизу, точно такой же имелся у них в разведке в количестве одного экземпляра, прозванный «Валуем», и с показной веселостью спросил:

– Слышишь, старлей, ты, случайно, не из Кирсанова?

Милиционер смотрел на Илью с не меньшим интересом и, задумчиво пожевывая кончик правого уса, нащупывал застежку кобуры. Управившись наконец с пистолетом, утвердительно кивнул:

– Так и есть!

Глава III

В старинном здании, занимаемом сейчас милицией, до революции находилась керосиновая лавка, принадлежавшая купцу второй гильдии Рукавишникову. Прочные стены из красного кирпича и просторные подвальные помещения, где удобно было оборудовать камеры предварительного заключения, стали неоспоримым аргументом в пользу того, чтобы разместить здесь учреждение районного НКВД.

Журавлев присел на продавленный диван, машинально потрогал коричневый дерматин, который на ощупь оказался холодным и шершавым, со множеством мелких от старости трещинок, разбегавшихся в разные стороны, как паутина.

– Я уж и не помню, когда так мягко и сидел-то, – сказал он и с видимым удовольствием несколько раз, будто мальчишка, попрыгал. Потом откинулся на спинку и заинтересованно огляделся.

У противоположной стены стояли два массивных темных шкафа со стеклянными дверцами, сквозь которые были видны несколько папок, должно быть, с документами; справа у окна, все еще заклеенного крест-накрест полосками пожелтевшей от времени газеты, чтобы не разлетелись от взрывной волны на острые осколки, располагался стол, покрытый зеленым сукном. Он был завален какими-то бумагами, а еще на нем стояла лампа с зеленым абажуром, чернильный прибор и черный телефон. В углу находился облезлый, с остатками зеленой краски металлический сейф, но вряд ли с чем-нибудь важным – скорее всего, просто для солидности; возле него на полу валялась рассыпанная стопка старых газет. В широких простенках английскими булавами были пришпилены плакаты «Родина-мать зовет!», «Ты записался добровольцем?» и «Болтун – находка для шпиона».

«В общем, все как обычно для таких учреждений», – равнодушно подумал Журавлев, и в тот момент его взгляд наткнулся на парочку черно-белых фотографий небольшого формата. Он с удивлением разглядел на них обнаженных красоток.

– У малолетней шпаны недавно конфисковал, – пояснил милиционер Сердюков, заметив, как у Журавлева при взгляде на фотографии блеснули глаза, а сам он заметно оживился. – Продавали солдатам на железнодорожном вокзале. Много теперь всякой гадости у нас развелось.

– Угу, – непонятно к чему ответил Илья, неохотно отводя взгляд от фотографий.

– Могу подарить, – предложил Сердюков, продолжая с сопеньем и чертыханьем разыскивать на полках медицинские принадлежности. – Как пострадавшему от шпаны. Так сказать, возместить причиненный моральный и физический вред.

– На черта они мне сдались!

– Тогда подсаживайся к столу, – сказал словоохотливый Сердюков, наконец обнаружив пропажу, – буду лечить твои раны.

Журавлев пересел на скрипнувший под ним стул и, закусив губу, приготовился терпеть новые страдания.

Сердюков внимательно осмотрел рану и сказал:

– Лейтенант, по-хорошему, тебе бы надо в больничку. Как бы заражения не было.

– Мы к этому привычные, – с досадой на его нерасторопность ответил Журавлев. – Не тяни kota за хвост.

– Мое дело сторона, – не стал настаивать Сердюков, как видно обидевшись на грубые слова: мол, он тут заботится о его здоровье, а к нему такое непочтительное отношение. – Тебе же потом страдать.

Тем не менее Сердюков отнесся к лечению лейтенанта со всей ответственностью: аккуратно выстриг ему на затылке волосы, тщательно обработал рану, щедро вылив на нее почти

весь пузырек йода. На что уж Илья терпеливый, но и он заскрипел зубами от боли. В завершение Сердюков старательно, без всякого сожаления, забинтовал голову пострадавшего последним оставшимся бинтом.

– А теперь будем пить чай, – сказал он, управившись с делами. – У меня и заварочка имеется. Ты какой чай любишь – крепкий или не очень? Ты не думай, мне заварки ничуть не жалко. У меня даже два сухарика на этот случай имеются... ванильные.

Милиционер достал из сейфа, который и вправду оказался пустым, тряпичный узелок, пару алюминиевых кружек с мятыми боками и чайное блюдце с выщербленным краем. Все это он, аккуратно подстелив газету, разложил на столе. Значительно поглядывая на Журавлева, бережно развернул тряпицу, в которой хранились три небольших кусочка желтого сахара, пригоршня байхового грузинского чая и два высохших от долгого хранения тонких ломтика белого батона.

– От пайка осталось, – пояснил он и ушел кипятить на керогазе воду в трехлитровом алюминиевом чайнике, наполовину закопченном на огне до жгучей черноты.

Журавлев смотрел на Сердюкова и никак не мог взять в толк, с чего это он вдруг стал таким нужным этому милиционеру. И тут Илью внезапно осенило: уж больно участковому не хочется оставаться одному в чужом и враждебном ему городке, в окрестностях которого бесчинствуют бандиты, которым убить милиционера ничего не стоит. А так попьют они чаю, поболтают о том о сем, а потом ему и домой пора, вот день и пролетел. А уж завтра – как бог даст.

Но самое горькое для Ильи было осознавать то, что сердцем он понимал внутреннее состояние Сердюкова: пройти всю войну, чудом выжить в страшное лихолетье и вдруг погибнуть в мирное время от руки какого-нибудь бандита. Где же справедливость? А вот разум его противился такому положению вещей. Илья, собиравшийся было передать участковому позолоченный портсигар и выкидной нож, которые можно было приобщить к уголовному делу о банде налетчиков как вещественные улики и с их помощью выявить активных ее членов, глядя на суетившегося без меры пожилого участкового, тотчас передумал это делать. Для себя Илья уже решил, что с таким отношением к своим обязанностям ничего путного из этого не выйдет: ну, присвоит Сердюков позолоченный портсигар, а нож возьмет да и выкинет от греха подальше, и все дела. А когда он уедет в свою отдаленную деревеньку, вся эта история окончательно забудется.

– Ты вот думаешь, что тебя эта шпана просто так хотела убить? Не-ет, брат, они на тебя ориентировку получили, чтобы устранить в твоём лице ненужного свидетеля, – продолжал со знанием дела просвещать не сведущего в уголовном розыске Илью милиционер Сердюков, должно быть считавший себя большим специалистом. – Думаешь, мы не знаем, что здесь банда орудует? Знаем, а вот сделать с ней ничего не можем. Силенок не хватает. Ты должен знать, что здесь еще в революцию банда Антонова разбойничала. Много они чего тут натворили, а уж сколько народу зазря положили, одному богу известно. Так вот для ее устранения даже регулярную армию вызывали. Слыхал небось о маршале Тухачевском, которого впоследствии за измену родины расстреляли? Он нашел управу на тех бандитов, под корень их извел, вытравил, как опасных вредителей. А сейчас работать некому. Вот вернутся фронтовики, мы тогда зададим бандитам перцу. Можешь даже не сомневаться.

– А теперь, значит, они пускай людей убивают, – с жаром возразил Журавлев и, поперхнувшись сухариком, долго и тягуче закашлялся, содрогаясь отбитым нутром и покрываясь багровым румянцем.

– Ты не торопись, – посоветовал сердобольный Сердюков, аккуратно схлебывая заваренный кипятком с блюдца с голубой каемкой, умело держа его на растопыренных пальцах, не замечая, что макает в чай и свои длинные усы, – а то, не ровен час, окочуришься... без всяких бандитов.

Немного откашлявшись, Илья возмущенно договорил:

– ...так сказать, временно вы будете смотреть на них. А уж только потом начнете рубить им головы.

– Зачем же так категорично? – спокойно возразил Сердюков, ничуть не обидевшись и заметно блаженствуя от выпитого горячего чая. Он по-хозяйски вытер платком испарину на лбу и ровным голосом продолжил: – Ловим и сажаем. В войну было легче: по закону военного времени мы сразу бандитов к стенке ставили без долгих разговоров. А теперь у нас мирное время, и будь добр решать вопросы через наш гуманный суд. Это уже его дело, кого расстрелять, а кого отправить в трудовые лагеря на перевоспитание. Уразумел? То-то.

Обретя в лице Журавлева нечаянного собеседника, милиционер говорил без умолку, в душе переживая, что гость вдруг спохватится и уйдет в свою деревню. А еще Сердюкову нравилось учить молодого лейтенанта уму-разуму, поскольку тот был далек от милицейской работы. Неторопливо схлебывая с блюдца, Сердюков внушительно продолжал:

– И опять же... чтобы упрятать урку в тюрьму, надо доказать его вину, уличить его в участии в совершенном преступлении. А мне это одному не под силу... Вот, например, произошло убийство на вверенной мне территории... По закону я обязан вызвать следователя из прокуратуры. Ан нет, не могу я этого сделать, при всем моем желании.

– Почему это? – спросил Илья, задержав в руке кружку и недоуменно уставившись на Сердюкова.

– А потому, – с нажимом ответил тот, не скрывая торжествующей улыбки, – что связь с Кирсановым отсутствует напрочь. Бандиты постоянно провора телеграфные режут, а то, бывает, и сами столбы подпиливают, вот и нет никакой связи. Даже наша почта и та работает хреново, из сел мальчонков каких-нито посылают ночью доставлять сюда письма. А это как-никак районный центр, а не глухое село. Вот как они нас прижали, чертовы бандиты. Сам вот послушай. – Сердюков приподнял телефонную трубку, прислонил к своему уху, потом приложил к уху подавшегося к нему Ильи. – Глухо как в танке. То-то и оно. Не дай бог, если сегодня вдруг ненароком преступление произойдет... – В его голосе отчетливо прозвучали тревожные нотки, он незаметно покосился в окно и хотел было перекреститься, но под внимательным взглядом лейтенанта стушевался и, изменив движение руки, нерешительно разгладил свои усы. – Ты приехал и уехал, а мне здесь работать. – И внезапно оживился от пришедшей вдруг мысли: – Слышь, лейтенант, а приходи к нам работать. Ты же фронтовик, орденосец, вон у тебя какой иконостас на груди, сам Жуков позавидует.

В эту минуту дверь с грохотом распахнулась и в помещение влетела молодая женщина с темными кругами вокруг глаз. Ее черные волосы, собранные в высокую прическу, с одной стороны выбились из-под заколки и неряшливой растрепанной косичкой свисали на маленькую обнаженную грудь, которая беззастенчиво выглядывала из-под сползшей с хрупкого плеча бретельки цветастого сарафана. Женщина лихорадочными движениями пыталась ее спрятать обратно, но та все время норовила выскочить наружу. Прикрываясь рукой, женщина завывала пронзительным диким голосом, от которого у Ильи по коже тотчас побежали мурашки:

– Убили-и-и! Моего мужа уби-и-или!

– Ну вот, накаркал, старый дуралей, – пробормотал Сердюков и резко вскочил со стула, опрокинув его на пол. – Ты не голоси, а толком говори, что произошло, – приказал он. Его добродушное лицо, минуту назад румяное от горячего чая, стало жестким, глаза – ледяными, а расслабленное за столом большое тело приняло стойку, как будто негибачей участковый готов был прямо сейчас вступить в драку. Даже вислые усы – по крайней мере, так показалось Журавлеву – ершисто распушились. Он хладнокровно выплеснул из кружки чай, зачерпнул из ведра холодной воды и подал обезумевшей женщине. – Ну? – потребовал он, не сводя с нее сурового взгляда.

Стуча зубами о край металлической кружки, проливая воду на обнаженную грудь, женщина сделала несколько судорожных глотков и нервным движением вернула кружку Сердюкову.

– Мы с мужем и дочкой проживаем на улице Конармии, дом девять. А сегодня прихожу я на обед из конторы, а мой муж лежит на полу мертвы-и-ий... – Она опять завывала, уткнувшись симпатичным личиком в свои ладони, в них же невнятно пробормотала: – Житиков его фамилия... Наша фамилия, – поправились она.

– Почему же вы решили, что его убили? – сухо спросил Сердюков.

– У н-него г-голова р-размозжена! – запинаясь, еле выдавила из себя Житикова, и ее руки безвольно упали вниз, словно плети. Лицо неожиданно стало бледным как мел, зрачки закатились, пугающе оставив на виду лишь синеватые белки, и она рухнула на пол, потеряв сознание.

– Этого еще не хватало, – буркнул Сердюков, поморщившись как от зубной боли.

Илья, который до этого стоял за столом, опираясь на него ладонями и широко распахнутыми глазами наблюдая за непривычной для себя обстановкой, скорым шагом подошел к женщине, поднял и перенес ее на диван.

Сердюков запоздало качнулся, хмуро оглядел кружку в своих руках, со стуком поставил ее на стол, расплескав добрую половину воды, и уверенно направился к полочке, где на видном месте хранилась бутылка с нашатырным спиртом. Должно быть, специально припасенной для таких вот случаев, которые, по всему видно, происходили здесь с пугающей регулярностью.

Пока Илья приводил женщину в чувство, Сердюков закатил мотоцикл внутрь помещения, беспокоясь за его сохранность в свое отсутствие.

– Конармия – это неподалеку, – ответил он на вопросительный взгляд Журавлева и поторопился: – Дай ей как следует нюхнуть, чтобы очухалась. Это в ее же интересах. И, если тебя не затруднит, попрошу пройти со мной в качестве понятого.

Житикова пришла в себя довольно быстро. Но произошедшая в ее семье ужасная трагедия все еще продолжала держать слабую женщину в своих страшных объятиях. Весь путь до своего дома она проделала как во сне, с великим трудом переставляя стройные ноги, которые временами переставали ее слушаться, и тогда обмякшее тело женщины тяжело повисало на руках Ильи, заботливо поддерживавшего ее. Волосы у нее основательно растрепались, темные круги вокруг впавших глаз стали еще заметнее, а яркая помада на губах (все-таки женщина работала на людях и старалась хорошо выглядеть) безобразно смазалась, отчего ее алый рот смотрелся слегка перекошенным. Да и вся ее понурая фигура выглядела сейчас настолько жалко, словно Житикова в одночасье тронулась умом и стала похожей на городскую сумасшедшую.

– Горе-то какое-е, – бормотала она, полыхая в пустоту горячным взглядом. – Как же нам теперь с дочкой жить-то, подскажите, люди добрые-е? Будьте вы прокляты, бандиты окажанные-е!

По высоким скрипучим ступенькам с простенькими перильцами они поднялись на веранду, прошли в дом. Внутри стояла пугающая тишина.

«Как будто в доме покойник», – машинально подумал Илья, у которого с непривычки зазвенело в ушах; он тотчас же про себя усмехнулся, потому что на самом деле так оно и было.

– Где же труп? – спросил Сердюков, пристально оглядывая комнаты.

– Там! – поспешно указала пальцем Житикова, но первая не пошла, дожидаясь, пока в комнату сначала войдет милиционер.

Ее муж, который оказался довольно интеллигентного вида человеком в домашнем поло-сатом халате, в очках со сломанной дужкой, кособоко висевшими на одном ухе, лежал возле круглого стола на спине, беспомощно раскинув руки и оголенные волосатые ноги в стоптанных синих тапочках. Его лицо с небольшой аккуратной бородкой представляло собой сплошной

кусок окровавленного мяса, даже не было видно заплывших глаз, в глазницах которых скопилась загустевшая темная кровь.

– Пытали, – сразу определил Сердюков. – Нагляделся я за время службы на таких... Били определенно гирькой, но с таким расчетом, чтобы не враз концы отдал. Что-то они от него добивались, к бабке не ходи. Ваш муж кто по профессии? – обратился он к Житиковой.

– Он у меня работает... работал... – запнувшись, поправилась женщина, содрогаясь от рыданий, стараясь не смотреть на окровавленное тело мертвого супруга, но мокрые от слез глаза помимо ее воли все время косили в ту сторону. – На маслозаводе итээровцем. Он был человек тихий, неприметный...

– Так уж и неприметный? – с сомнением переспросил Сердюков, присев на корточки возле трупа и внимательно разглядывая побои на лице.

– На заводе его знали как рационализатора. Не раз премировали.

– А недавно вашего мужа, случайно, не премировали? – Сердюков поднялся на ноги, не сводя с женщины пристального взгляда. – Вспомните, это очень важно.

– Ну да, да, – закивала женщина, – вчера ему выдали премию... восемь тысяч. Я, конечно, в этом не разбираюсь... это связано с каким-то прессом для подсолнухов...

– Деньги на месте?

– Н-не знаю... Я как-то об этом не подумала, – тихо ответила Житикова.

Внешне она казалась спокойной, только правое веко мелко дрожало. Она вдруг кинулась к комоду, быстро выдвинула маленький верхний ящик, где в потайном месте, в выемке, они с мужем хранили деньги. Сейчас вместо денег там лежал пустой конверт. Житикова нервно его порвала, оттуда выпал листок из школьной тетради в косую линейку. На нем, как издевательство, был жирно нарисован черным карандашом филин. Выглядел он как снеговик: крупный овал туловища, на нем небольшая голова с характерными кисточками и острые опущенные крылья. На обратной стороне находился набросок мудреного чертежа, над которым, судя по всему, еще недавно ломал голову убитый рационализатор.

– Укра-а-ли-и! – вновь заголосила женщина. – Все деньги украли, которые копили три года-а! Шестьдесят тыся-а-ач! По миру мы теперь с Иришкой пойде-о-ом!

– Что и требовалось доказать, – как будто даже с удовлетворением, что за короткий срок раскрыл причину убийства гражданина Житикова, сказал Сердюков. А чтобы никаких сомнений не возникло ни у его супруги, ни у лейтенанта, он со знанием дела пояснил: – Преступников было двое. Один помельче, по всему видно, физически слабый, потому что носит с собой гирьку. Другой покрупнее и поотчаяннее, этот имеет пистолет системы наган. На виске трупа наблюдается характерная вмятина от сильного удара ручкой нагана, отчего он, собственно, и умер. Сейчас осмотрю место преступления, составлю протокол, схемы расположения трупа с привязкой к обстановке и приобщу его к уголовному делу по банде в нашем районе.

– И все? – спросил Илья, не веря, что на этом все закончится и преступники не будут наказаны.

– Все, – развел руками Сердюков. – А что я еще могу сделать? Вот поймаем банду, тогда все преступные элементы получат по заслугам. А сейчас такой возможности нет, я не былинный Илья Муромец, чтобы в одиночку сражаться с целой сворой налетчиков и грабителей. Их может быть тысяча, а может, и не одна, тут я бессильный. Так-то вот.

Глядя на его беспричинно суетливые движения, Илья догадался, что участковому хочется быстрее завершить необходимые формальности и вернуться в Кирсанов, в отдел милиции, где он будет находиться в относительной безопасности.

– А как же?.. – осторожно спросил Журавлев, сдерживаясь, чтобы не сказать грубого слова в адрес в общем-то неплохого мужика Сердюкова, и незаметно кивнул в сторону Житиковой, которая с безучастным видом сидела на стуле и неотрывно смотрела на безжизненное тело мужа.

– Я же говорю, что тут я бессилен, – вполголоса ответил Сердюков и вдруг разозлился, догадавшись по выражению лица лейтенанта, что в эту минуту творится у Ильи в голове. – Ежели ты такой умник, поезжай в Тамбов и расскажи, что с тобой в лесу произошло. Может, там тебя, героя, послушают. Тоже мне, Илья Муромец нашелся.

– И поеду! – выкрикнул тоже разозлившийся Журавлев. В этот момент перед его мысленным взором мигом пронесли события прошедшей ночи с убийствами ни в чем не повинных людей, жестокое убийство из-за паршивых денег тихого и умного инженера, трудившегося на благо своей страны, и покушение на него самого. – И поеду! – запальчиво повторил он и так хлопнул дверью, что застывшая Житикова испуганно вздрогнула.

* * *

Вечером того же дня Илья вновь стал невольным свидетелем очередного бандитского произвола. Он ждал проходящий поезд на Тамбов, сидел на вокзале в безликой толпе таких же неприкаянных пассажиров, находившихся в расстроенных чувствах от неопределенности предстоящего пути, проходящего через лес, кишаций бандитами. Но еще больше они переживали от нерадостной перспективы задержаться здесь на неопределенный срок из-за переполненных народом вагонов, и без того тесных, как коробочки.

Илья, уставший за долгий день от неожиданно свалившихся на него безрадостных событий, примостился рядом с немолодой теткой, ехавшей к родственникам в Москву с двумя мальчишками пяти и шести лет. Мальчишки были похожи на маленьких старичков: они не играли в шумные игры, а вели себя спокойно, даже разговаривали между собой приглушенными голосами и глядели на окружающих людей недоверчиво, бросая исподлобья быстрые взгляды.

Илья угостил их завалявшимися у него в кармане двумя кусочками рафинада, тщательно сдунув с них прилипшие крупинки моршанской махорки. Счастливые мальчишки со вкусом съели сахар, стараясь продлить себе удовольствие, а потом удобно расположились на узлах и задремали.

Журавлев, аккуратно переступая через вповалку лежащих в зале людей, вышел на улицу покурить. Но едва он вынул из кармана кисет, как увидел над домами и зелеными кронами деревьев в покосившихся садах серые клубы подходившего поезда. Илья проворно развернулся и торопливо зашагал назад, на ходу засовывая кисет в карман широких галифе и с трудом пробираясь сквозь хлынувшую навстречу ему толпу.

Тетка с беспечной неподвижностью сидела на своем месте, прижимая простоволосые головки мальчишек, уткнувшихся сопящими носами в ее объемную грудь, глядела перед собой невидящими, словно остекленевшими, глазами.

– Мать, – окликнул ее Журавлев, – где ваши узлы? Давайте помогу, там поезд уже к перрону приближается!

– А нет у меня больше никаких узлов, – безнадежно-безжизненным голосом ответила тетка и посмотрела на лейтенанта, как на пустое место. – Лихие люди отобрали. Подставили нож к горлу и предупредили: если я подниму хай, то они меня зарежут и оставят моих молодкосов беспризорными.

Этот случай еще сильнее укрепил лейтенанта Илью Журавлева в своем решении ехать в областной центр в отдел по борьбе с бандитизмом, чтобы рассказать начальству о распоясавшихся на Тамбовщине бандитах.

Глава IV

В помещении отдела по борьбе с бандитизмом стояла непривычная тишина. Если не считать размеренного хода маятника, двигавшегося за стеклом больших напольных часов, да секундной стрелки, которая с сухим щелчком отмеряла короткие, как миг, промежутки между черными делениями циферблата. Правда, еще слышалась скрипичная музыка из тарелки висевшего на стене радио, но она была настолько тихой, что можно было подумать, что она доносилась из кабинета разыскного отдела ОРУД, расположенного в конце длинного коридора областного Управления НКВД.

Подобная тишина в столь оживленном учреждении была явлением редким и как-то не вязалась с активными сотрудниками, которые, и это самое удивительное, в данное время находились в комнате. Это и сбило с толку дежурного старшего лейтенанта Соколова, заглянувшего в отдел. Увидев прикорнувших в разных местах оперативников, он озадаченно замер в дверях, сожалея, что придется будить товарищей, недавно вернувшихся из рейда по притонам и воровским малинам.

Невольно давая им подремать лишнюю минуту, Соколов поочередно обвел глазами застывших в самых живописных позах ребят: в уголке на стареньком стуле, неловко запрокинув голову, шумно сопел водитель автобуса сержант Ваня Заболотников; уронив голову на скрещенные руки, за столом спал неповоротливый фотограф Капитоныч; свернувшись калачиком на двух стульях, дрых коротышка оперативник Васек Федоров; другой оперативник, младший лейтенант Петр Шишкин, широкоплечий рослый парень, спал прямо на полу, подстелив под себя газеты. Он выдувал толстыми губами слюнявые пузыри, беспечно разбросав большие руки, похожие на две дубовые коряги.

А вот их непосредственный начальник, старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан Клим Орлов, спал, как и положено начальству, на кожаном диване. Он небрежно запрокинул ноги в щегольских хромовых сапогах на подлокотник, а руки закинул за голову с чернявыми короткими волосами. Даже во сне ресницы Клина дрожали, что говорило о его чутком сне.

Дежурный с тяжелым вздохом тщательно расправил густые усы и с невероятным грохотом захлопнул дверь. В следующую секунду он заново распахнул ее и зычным голосом возвестил:

– Орлов с группой, на выезд! Быстро! В Покрово-Пригородном очередной лабаз сторел!

– Мы-то тут каким боком? – хмуро поинтересовался Орлов, с неохотой поднимаясь с дивана. Не спеша, подтягивая голенища сапог и даже не пытаясь скрыть своего недовольства, он заметил: – Всю мелочовку на нас вешают. Как будто нам заняться больше нечем.

– Местный участковый заявляет, что пожар связан с бандитами, – пояснил Соколов. – Ваш профиль, так что мудрить тут нечего.

– Свободен, – махнул в его сторону рукой Клим.

Прислушиваясь к гулкому звуку удаляющихся шагов тяжеловесного милиционера, так не вовремя оторвавшего его от приятного сна, Клим подумал о том, что, очевидно, хороший сон связан с длинноногой Зинкой, шифрующей под Мальвину, которую они на прошлой неделе задерживали в притоне, а сегодня она, к его изумлению, почему-то на работе отсутствовала. «Неужто за ум взялась? Это, по большому счету, конечно, очень хорошо, да слабо верится», – хмыкнул про себя Клим, а вслух сокрушенно пробормотал:

– Какая только херня от усталости не приснится нормальному человеку.

С пола тяжело поднялся Шишкин; позевывая и потягиваясь до хруста в суставах, проговорил:

– Покой нам только снится. Которую неделю сплю наподобие самого распоследнего бродяги, а у меня ведь как у приличного гражданина комната в милицейском общежитии имеется. А вот на тебе...

Он привычно оправил гимнастерку, машинально нащупал кобуру, проверил ее содержимое, глубоко натянул на глаза милицейскую фуражку и крупным шагом вышел из комнаты. Следом за ним выбежал, гремя просторными для его мелкого росточка кирзачами, Васек, на ходу надевая португую с пистолетом. С усилием оторвал лысую голову от стола Капитоныч, обвел припухлыми со сна глазами помещение. Вздыхая и бурча что-то себе под нос, он взял в одну руку увесистый саквояж с фотокамерой, в другую неудобный штатив для камеры и ушел, по-стариковски шаркая пижонскими туфлями со стоптанными подметками, державшимися на честном слове.

– Заболотников! – хриплым баском окликнул водителя Орлов, увидев, что тот не только не думал просыпаться, но и, наоборот, еще слаще зачмокал губами во сне. Для пущей убедительности Клим громко постучал крепкой ладонью по столу: – Подъем, не к теще на блины пришел! Да и любимая теща не дала бы тебе столько дрыхнуть, быстро бы выпроводила пинками из дома, чтобы не позорил на старости лет ее седую голову, лентяй ты этакий!

И громко захохотал, видя, как водитель вскочил со стула и, опрокинув его, заметался, не соображая со сна, что от него требует начальник. А когда до него наконец дошло, ломанулся в дверь, едва не сбив с ног дежурного Соколова, который вернулся сказать, что участковый звонил повторно, переживая, что собравшиеся на пожарище зеваки могут по своей глупости нечаянно уничтожить улики.

– Не дрейфь, Соколов, – ответил с ухмылкой Клим. – Орлов еще и не такие ребусы разгадывал. Так что не паникуй раньше времени. если этот страдалец будет еще звонить, скажи, что мы уже давно выехали.

Орлов бесцеремонно вытолкал дежурного из отдела. Приобняв Соколова за плечи, Клим повел его глухими длинными коридорами к дежурной части, мимо которой ему все равно пришлось бы проходить.

– Вот что вы за люди такие, Соколик, – по-дружески втолковывал ему по пути Клим, – никакого у вас нет понятия, что наша работа, между прочим, очень уважаемая, – он значительно поднял указательный палец с обгрызенным выпуклым ногтем вверх, – требует выдержки, как столетнее вино, а тят-ляп только кроли... ну ты понял? Выдержка и еще раз выдержка. – Он поощряюще хлопнул дежурного по тугой спине и вышел на улицу, имея очень довольный вид.

Миновав примыкающую к основному четырехэтажному зданию бывшего епархиального женского училища вычурную кирпичную кладку ротонды, Орлов легко поднялся на подножку стоявшего наготове автобуса ЗиС-8, изготовленного на базе грузовика ЗиС-5. Салон вмещал два десятка пассажиров, и четыре сотрудника уголовного розыска чувствовали себя в нем прилично. Васек Федоров опять взялся досыпать, удобно свернувшись калачиком. Даже рослый Шишкин и тот расположился в свое удовольствие, вытянув ноги в проход и заняв сразу два места.

– Давай, Заболотников, пыли на своем драндулете поскорее, – весело пророкотал Орлов, в один короткий миг вобрав своими лукаво-пронзительными темными глазами привычную обстановку, – а то по нам в Покрово-Пригородном местный участковый соскучился.

– Можете не сомневаться, товарищ Орлов, домчу в лучшем виде, – с затаенным недовольством проговорил водитель, обидевшись за столь нелестную оценку своей машины. И уже потянул к себе рычаг, чтобы закрыть дверь, но в этот момент, кто-то посторонний с улицы придержал дверь.

– Товарищ капитан, – обратился к Орлову высокий парень в военной форме с орденами, как видно давно уже поджидавший оперативников, на которого не обратил внимания занятый своими мыслями Клим, – ребята сказали, что вы тут главный.

– Допустим, – сдержанно ответил Орлов. – В чем дело?

– Лейтенант Журавлев, – представился Илья. – Только что прибыл из Инжавино. Там бандиты настолько обнаглели, что днем уже не боятся людей убивать. Я сам был свидетелем, как на нас в лесу напали вооруженные грабители...

– Вот что, лейтенант, – перебил его Клим, – сейчас нам некогда, нас срочно ждут в одном месте. Давай запрыгивай в автобус, по дороге и поговорим. Временем располагаешь?

Илья охотно сел рядом с Орловым, прижавшись к его горячему боку. Автобус, гремя плохо закрепленными стеклами, запылил по городским улицам, окаймленным зелеными кронами старых тополей с заметной проседью белого невесомого пуха.

Пока добирались круглыми путями до Покрово-Пригородного, Журавлев успел со всеми подробностями рассказать Орлову о своих злоключениях в Инжавино, где бесчинствовали бандиты. Клим слушал с молчаливой сосредоточенностью, злобно катая по-над скулами, туго обтянутыми коричневой от загара щетинистой кожей, бугристые желваки. За всю дорогу он переспросил, должно быть, раза три, не больше, пытаясь вникнуть в недавние события, узнать кое-какие мелкие детали.

– Надо туда военных послать, – закончил свое долгое повествование Илья, – шугануть как следует эту сволочь. Пока они там всех не перестреляли.

– С кондачка тут ничего не решишь, – хмуро ответил Орлов, вроде как бы не отрицая, но и не соглашаясь с предложением лейтенанта. – Не так тут все просто, как кажется. Надо семь раз отмерить, прежде чем отрезать, а уж если резать, то так, чтобы от всей этой шушеры пух перьями во все стороны полетел. А то затаятся и будут исподтишка гадить.

– Все, ребята, приехали, – оповестил неожиданно водитель.

В окно были видны мрачные останки сгоревшего лабаза. Кирпичные стены со следами копоти были похожи на амбразуры дотов, на которые Илья успел вдоволь наглядеться на войне. Он горестно крикнул и ступил следом за Орловым на землю, покрытую легким налетом пепла. От продолжавшего дымить пожарища остро воняло горелым деревом, золой, стоял удушливый терпкий запах смешанной с горячим углем воды, и еще сладковато наносило от сгоревшей маленькой каморки знакомым запахом горелого человеческого мяса.

Сидевший неподалеку на обуглившемся черном бревне парень в нижнем нательном белье и кирзовых сапогах поспешно поднялся и пошел навстречу, ведя за собой в поводу вороную лошадь. Его еще недавно белые кальсоны и рубаха сейчас выглядели как грязные лохмотья, свисающие мокрыми охвостьями. Парень подошел, устало вытер замызганным рукавом грязное потное лицо и горячо заговорил, обращаясь к Орлову. Его взволнованный голос совсем не соответствовал его унылому виду:

– Участковый старший сержант Курехин. Это я вам звонил из сельповской конторы. Лабаз, товарищ капитан, ночью загорелся. Я как раз в это неурочное время курить выходил во двор, и как только увидел пламя, так сразу верхом на коня и сюда прискакал. Больно сильно здесь все горело, пока пожарная команда приехала. Все успело сгореть, подчистую.

– Что пожарные говорят? – спросил Орлов, исподлобья оглядывая то, что раньше называлось лабазом.

– Говорят, что сам сторож запалил по неосторожности. Мол, нажрался, сволочь, самогона, закурил сигарку и уронил, когда уснул. У него в сторожке много всякого тряпья валяется и еще угля для отопления лабаза полно. Только это все неправда. Иван Денисович хоть и выпивал, но никогда – до беспамятства, тем более на рабочем месте. Ценил он эту работу, держался за нее. Куда его еще с одной ногой, с этой проклятой деревяшкой, возьмут, инвалида? А тут

возле него пустую четверть из-под самогонки обнаружили. Ну не мог он столько выпить при любом раскладе! – с горечью воскликнул старший сержант Курехин. – Не мог!

– Мазу за него держишь? – хмыкнул Орлов. – Это хорошо. Значит, говоришь, не мог? – переспросил он задумчиво и пошел вокруг сторевшего лабаза, вороша подвернувшейся под руку обгорелой палкой груды серого пепла, пристально разглядывая угрюмые остоны кирпичных стен. – Проводника мы с собакой не взяли, оно и верно: такая вонь любой запах отобьет.

Подошел с испачканными в саже руками Шишкин, держа их перед собой, словно хирург во время операции.

– Орлов, – сказал он, недовольно ворочая могучей шеей, – что-то не сходится у Курехина... амбарные замки целые, дверь металлическая... кованая... старой еще работы – на месте, только черная от копоти. И в бревенчатой пристройке, где находился сам склад, видно по обгоревшему косяку, что дверь никто не взламывал. Точно, нажрался сторож и запалил по дурасти, в смысле по своей неосторожности.

Прибежал из селяпо запыхавшийся товарищ Котеночкин, мужчина внушительных габаритов, одетый в просторную светлую рубаху-вышиванку. Шумно отдуваясь и поминутно вытирая платком мясистое потное лицо, он принялся божиться, что сторож не был пропойцей, даже со страха перекрестился, очевидно переживая, что его могут привлечь за халатное отношение к своим обязанностям, выраженное в приеме на ответственную работу ненадежного человека.

– Я ему накануне, перед тем как завезти в лавку товар, – дрожа студенистым подбородком, лепетал заведующий, старательно выкатив на Орлова желтые белки из-под оплывших белесых век, – со всей серьезностью наказывал бдить и бдить, чтобы ни у одного несознательного элемента и мысли не возникло пожить государственным имуществом.

– А что, были основания так думать? – быстро спросил Орлов, и его знаменитый взгляд с прищуром уперся в Котеночкина.

– Ни боже мой! – испуганно воскликнул заведующий и с еще большим рвением принялся обтирать свое полное лицо, по которому уже струились обильные ручейки. – Кому, как не вам, знать, какое сейчас беспокойное время.

– Говоришь, товар завезли... – переспросил, как видно что-то надумав, Орлов, – а какой товар?

– Муку, сахар, водку, сукно – много чего...

– Та-ак, – многозначительно протянул Орлов и, резко обернувшись, отрывисто крикнул: – Шишкин, Федоров, тщательно осмотрите металлические листы крыши, ищите на них царапины и погнутости – одним словом, все, что может дать хоть какую-то зацепку, что здесь орудовали взломщики: разобрали часть крыши и через образовавшуюся дыру вывезли большую часть товара, а остальную спалили, чтобы навести нас на ложный след.

– Товарищ капитан, – с сомнением покачал головой, обросшей черным волнистым, как у цыгана, волосом, Васек, – листы от жара так деформировались, что и эксперт вряд ли разберется.

– Исполнять! – рыкнул на него Орлов. Оперативники тотчас послушно полезли внутрь лабаза, неловко переступая через нагромождения обугленных бревен и ржавых, черных от копоти металлических листов, то и дело проваливаясь в золу почти до верхнего края голенищ кирзовых сапог. – Такая вот у нас грязная работенка, лейтенант, – сказал Клим, дружески глядя на Журавлева. – Зато дюже необходимая законопослушным гражданам. А всем этим тварям, которые нам жить достойно не дают, очень уж она не по нутру. Смекаешь?

– Товарищ капитан! – воскликнул Илья, неожиданно рассмотрев на стене под серым налетом копоти знакомые очертания филина. Он быстро подошел и ладонью аккуратно смахнул бархатистые хлопья сажи. – Видите? Это ночная птица филин!

– И что это значит? – спросил Орлов, хмуро уставившись на еле заметный рисунок.

Запинаясь от волнения, Журавлев торопливо рассказал начальнику отдела по борьбе с бандитизмом, при каких условиях ему впервые довелось увидеть такого филина.

– Только мы тогда с Сердюковым подумали, что это рисовала малолетняя дочь Житиковых, – виновато оправдывался Илья. – В это время она находилась у родственников... мать постаралась... ну, вы понимаете... переживала, что при виде мертвого отца... – он доходчиво покрутил пальцем у своего виска, – тронется умишком. Вот и не спросили.

– Лейтенант, ты точно ничего не путаешь? – спросил, посуровев лицом, Орлов.

– Товарищ капитан, – с обидой выговорил Журавлев, покрывшись от волнения красными пятнами, – вы за кого меня принимаете?

Орлов провел большим пальцем по рисунку и, глядя на черный отпечаток на подушечке пальца, задумчиво сказал:

– Уголь. Та-ак, значит, кое-что у нас вырисовывается. Ну-ка, пойдем, Журавлев, посмотрим дорогу на предмет отпечатков протекторов.

Проселочная дорога проходила на расстоянии чуть больше метра от бревенчатой стены складского помещения. Опустившись на колени, Орлов некоторое время внимательно изучал множество машинных следов, потом осторожно потрогал указательным пальцем один из смазанных отпечатков. Илья присел рядом, с интересом наблюдая за его действиями.

– Все понятно, – наконец произнес Орлов. – Здесь стояла полуторка. Эти следы изначально принадлежали ей в порожнем виде. А вот эти, чуть расплюснутые, это уже когда машина была груженная. Смекаешь? – Он поднялся, отряхнул руки и громко позвал: – Шишкин, ну чего там у вас?

Скорым шагом подошли Шишкин и Федоров. Еще издали разглядев на их лоснившихся от пота лицах, перепачканных в сажу, довольные ухмылки, Орлов заговорщически толкнул крутым плечом Илью и вполголоса проговорил:

– Что-то надывали орлы.

– Фомкой орудовали, сволочи! – доложил Шишкин. – Но аккуратно, с расчетом, что пожар уничтожит все улики. В общем, все предусмотрели, только одного не учли, что мы на их обман не купимся. Так что сторож здесь действительно ни при чем – здесь я, признаюсь, немного погорячился.

– Значит, так. – Орлов оживился и деловито потер ладони, радуясь, что наконец-то они взяли верный след. – Мы сейчас с лейтенантом едем в управление, а на обратном пути Заболотников привезет сюда эксперта сделать слепки со следов шин и судмедэксперта, чтобы осмотрел обгоревший труп сторожа. Да, еще обойдите местных жителей, опросите, не видел ли кто из них какую-либо машину ночью. Ну там, свет фар, звук мотора и так далее. Не мне вас учить. – Капитан обернулся к водителю, который со скучающим видом нарезал круги вокруг автобуса, поочередно пиная носками сапог тугие шины, и зычно крикнул: – Заболотников, заводи свой драндулет!

– Гражданин начальник, гражданин начальник! – заполошно крича своим слабым грудным голосом, от крыльца сельпо к ним валко бежал заведующий Котеночкин, держась одной рукой за сердце. – Вас к телефону! Дежурный Соколов!

– А что так сразу – «гражданин начальник»? – передразнил его повеселевший Орлов. Он быстрым шагом направился к зданию сельпо, на ходу разглядывая на жирном лице заведующего заискивающую улыбку. – Боишься – значит уважаешь.

Помещение сельпо было такого маленького размера, что у Орлова мелькнула шальная мысль, как же этот пузырь Котеночкин здесь умудряется помещаться. Да еще тут же, у крошечного окна, за столом сидела худенькая девушка, по всему видно, бухгалтерша. У нее были коричневые нарукавники, туго обтягивающие тонкие нежные кисти рук резинками. При виде Орлова она почему-то сразу смутилась, и ее симпатичное личико покрылось легким румянцем.

Стол, принадлежавший заведующему, Клим определил с ходу, скользнув цепким взглядом по портрету Сталина на стене, расположенному строго над головой местного начальства.

– Соколов! – крикнул в трубку Орлов и озорно подмигнул симпатичной девушке, которая смутилась еще больше, и ее лицо прямо пыхнуло густым румянцем, отчего стало еще красивее. – Ну чего тебе все неймется? Докладывай!

По мере того, как дежурный рассказывал Орлову о новом ночном происшествии, случившемся на перегоне между Кочетовкой и Тамбовом, в результате которого от рук налетчиков пострадали несколько пассажиров, веселое лицо Клим мрачнело и скоро стало чернее тучи. Заметив произошедшие с ним изменения, девушка испуганно опустила глаза и притаилась в своем уголке, словно мышка-норушка, боясь встретиться с колючим взглядом сыщика.

– Я понял, – закончил Орлов, в сердцах громко положил трубку на рычаг и торопливо вышел, даже не взглянув на девушку, которая невольно сжалась еще больше.

– Журавлев, – окликнул он на улице Илью, – сейчас заедем с тобой в больницу, там опять подрезанные бандитами. Выясним, что там да как. И вообще, давай к нам в угро на работу устраивайся! Парень ты, смотрю, головастый, отчаянный, вон сколько орденов имеешь. А нам сейчас новые люди во как нужны! – Он с чувством черкнул себя ребром ладони по выпирающему острому кадыку. – Взгляд у тебя свежий, не замыленный – то, что надо для настоящего сыщика. Знания со временем придут. Сегодня же распоряжусь по поводу тебя, кадровик только обрадуется.

Глава V

– Илюха, – сказал на другой день Орлов, обратившись к новому сотруднику панибратски, и от души хлопнул его по плечу с такой силой, что неслабый Журавлев, сидевший у окна на колченогом стуле, покачнулся, физически ощутив дружеское расположение своего начальника, – ты теперь нашего поля ягода! Так что безо всякого стеснения впрягайся!

И бывший фронтовик Журавлев, в душе неимоверно гордясь тем, что стал одним из непримиримых борцов с преступностью, с великой охотой впрягся. Да так, что уже к вечеру первого дня в полной мере ощутил на себе всю прелесть работы сыщиком: времени не хватило даже на то, чтобы подыскать себе съемную квартиру. Из-за отсутствия мест в крошечном милицейском общежитии, которое располагалось в бывшем особняке митрополита, Илья уже третьи сутки кое-как перебивался на диване в отделе. А тут как раз на горизонте замаячила эта таинственная неуловимая банда, которая в разработке стала называться бандой Филина. Для уголовного розыска дни настали самые горячие, и Илья с головой погрузился в прежде незнакомую для себя обстановку.

Чудом выжившая пассажирка поезда Москва – Тамбов, серьезно пострадавшая от «пера» налетчика, рассказала, что бандиты «как вихрь налетели» на лесном полустанке, а перед этим она как будто бы слышала голос филина. Сама она жительница деревенская и хорошо разбирается в птичьих голосах. Это было похоже на то, когда филины «так по-сумасшедшему» кричат, преследуя свою жертву. Он настолько показался ей зловещим, что у несчастной по коже пробежал «леденящий озноб». Предчувствие женщину не обмануло.

– Хорошо, что Матьер Божья отвела бандитскую руку, – проговорила она едва слышно и сделала слабую попытку перекреститься, но рука ее воле не повиновалась – женщина только пошевелила пальцами, собранными в щепоть. – Он пырнул меня в живот. «Лезвие не задело жизненно важные органы, прошло с ними совсем рядом» – так врач сказал.

– В запарке промахнулся, – быстро шепнул Орлов Илье.

Он слушал женщину с большим вниманием, изредка задавая наводящие вопросы, от злости покусывая нижнюю пухлую губу, не соразмерную губе верхней, на удивление тонкой, как нитка. Эту отличительную черту капитана Илья отметил еще при первом их знакомстве, вспомнив, что, по людскому поверью, это характеризует человека как упертого и даже своенравного.

– Повезло, – вновь шепнул Орлов и, уже обращаясь к женщине, сурово сказал, грозно сдвинув темные разлтые брови: – Вы, гражданочка, не переживайте, выздоравливайте, я вам обещаю: бандитов мы поймаем и накажем по всей строгости советского закона.

И вот теперь они сидели в отделе, занимались «мозговой атакой», как верно подметил Орлов, выдвигали разные версии. Был второй час ночи, за окном шел проливной дождь, в тополиных мокрых ветвях небольшого парка шумел ветер. Время от времени ливень порывисто хлестал в распахнутое настежь окно, и теплые брызги падали на обшарпанный подоконник и облезлый, давно не крашенный пол.

Несмотря на свежий воздух за окном, в комнате стояла невыносимая духота. А все, должно быть, оттого, что за несколько часов безвылазного нахождения в небольшом помещении здесь было накурено так, что до самого потолка висел сизый туман, и осунувшиеся лица находившихся в комнате людей маячили мутными, едва различимыми пятнами. Этому способствовала и горевшая вполнакала, свисающая с потолка на длинном проводе лампочка без абажура, которая и сама выглядела в белесом тумане как расплывчатое угасающее солнце. До рассвета было еще далеко, надеяться на то, что с его приходом что-то изменится, было глупо.

– Филин – птица ночная, – снова доказывал охрипшим голосом Васек, при этом он бурно жестикулировал, словно активно разгонял скопившийся дым, – и бандиты орудуют по ночам, и все больше в лесу. Вот и выбрали они знак филина. Чего тут непонятного?

– Больно уж это легко объясняется, – не соглашался с ним Шишкин, которому своя версия казалась самой правдоподобной. – Думаю, такое погоняло у ихнего главара.

– Знавал я одного вора в законе с погонялом Филин, – негромко, но уверенно отозвался из своего угла солидный Капитоныч. – Авторитетный был вор, жил по понятиям, в мокрухе замечен не был. Но его, по-моему, в позапрошлом году завалили в перестрелке, там вроде бы его кодла схлестнулась с какими-то. Говорят, это были военные. Не знаю, правда это или просто кто-то слушок пустил.

– Вот! – обрадованно воскликнул Шишкин и даже вскочил со стула, выставив указательный палец, который в табачном сумраке показался увесистой палкой, от чего легкомысленный Васек даже хохотнул. – А ты не ржи, – предупредил его Шишкин, – а то ведь я могу и серьезно обидеться, тогда держись.

– Я не над тобой, – смиренно ответил Васек.

– Его самого застрелили, а имя осталось, – продолжил упорствовать Петр. – Может такое быть? Запросто может!

Теперь возмутился Васек:

– Шишкин, не валяй дурака, не городи ерунды! Хотя, согласен, как версия имеет право на существование, хоть и бесперспективное. И утруждать себя этим не имеет смысла.

– А что, если... – начал было неуверенно Капитоныч, но сейчас же махнул рукой: – Да нет, ерунда все это...

– Говори, – жестко приказал Орлов, который слушал с большим вниманием, что-то изредка чиркая в своем крошечном блокнотике – привычка, оставшаяся у него от того времени, когда он числился курсантом военного училища.

– Да я, собственно, подумал: а что, если кто-то подмял банду под себя? – как будто боясь, что Орлов на него рассердится, осторожно предположил Капитоныч. – Кликуху мы его не знаем. Новый человек в банде объявился, залетный, и стал хозяином в области. А сам, может быть, ходок откуда-нибудь с Магадана или Воркуты. – И затаился, стараясь разглядеть сквозь дым лицо начальника.

Орлов молча вышел из-за стола и принялся нервно ходить взад-вперед по комнате. При этом он делал своими несоразмерно разными губами непонятное движение, как будто катал во рту что-то твердое и круглое. Проходя мимо Ильи, мимоходом выхватил у того из пальцев сигарку, несколько раз глубоко затянулся, но на полпути вдруг резко развернулся и быстро вернулся назад. Не глядя сунул сигарку обратно лейтенанту, остановился посреди комнаты и, покачиваясь с пятки на носок, стал негромко, но по-командирски повелительно говорить:

– Итак, подытожим то, что мы на данный момент имеем, а то так и будем спорить до китайской пасхи. А имеем мы несколько убийств по всей области, связанных между собой, совершенных, как нам видится, членами одной банды. Этому есть неоспоримые подтверждения в виде улики: позолоченный портсигар, который Журавлев вынул из кармана убитого им бандита по кличке Хлыст. А портсигар, как мы знаем, принадлежал директору сахарного завода из Никифоровки, которого тоже убили и ограбили: там и надпись имеется, что этот самый портсигар подарили ему на шестидесятилетие. Нож выкидной. Мы пока не можем сопоставить по его техническим характеристикам, что он где-то успел засветиться. Но это, как вы понимаете, дело времени. Далее, этот пресловутый знак филина: то ли наглый вызов уголовному розыску, то ли просто дань новой моде. Как вы знаете, в Москве недавно раскрыта жестокая банда «Черная кошка». Сидельца по кличке Филин я в нашей картотеке не нашел, к сожалению. Но версия Капитоныча довольно занятная, будем работать пока плотно по ней, но и другие не игнорируем. С утра схожу к начальству, – Орлов значительно поднял указательный палец вверх, – и буду требовать две роты солдат, чтобы окружить место, о котором нам говорил Журавлев, на предмет захвата банды. Думаю, там много чего можно обнаружить интерес-

ного, это поможет нам пролить свет на преступную деятельность банды Филина. А сейчас всем кемарить, потому что днем будет не до этого.

Сотрудники, все бывшие фронтовики, которым не впервой было коротать ночи в обстановке, приближенной к боевой, стали размещаться как придется. И лишь самому Орлову, привыкшему занимать узкий диван в одно лицо, пришлось сегодня делить койко-место с Ильей. Но и здесь Клим на правах начальника захватил больше половины дивана, удобно разместив на нем свое жилистое тело, свесив свои по-кавалерийски кривые ноги в сапогах через подлокотник.

– Соблюдай субординацию, – шутливо проговорил он, закинув руки за голову, блаженно прикрыл глаза, опущенные ломкими короткими ресницами, и тотчас ровно и глубоко задышал.

Илья со вздохом откинулся на спинку, скрестив руки на груди, вытянул уставшие ноги и тоже мгновенно уснул.

Проснулся он от громких мужских голосов, доносившихся из коридора. Топали сапогами служащие управления, под их тяжелыми шагами коротко и жалобно скрипел старый дощатый пол.

В комнате было необыкновенно ярко от умытого дождем солнца, на полу лежал желтый квадрат света из оконной рамы. Спертый воздух за ночь успел выветриться, и в кабинете теперь стоял едва уловимый свежий запах клейких тополиных листьев. Потягиваясь и зевая, стали просыпаться и другие сотрудники.

От начальства вернулся Орлов. Его румяное лицо, умытое по дороге холодной водой, сияло. Он был необыкновенно оживлен, без меры сыпал шуточками.

– Ну что, проснулись, красны девицы? Пора! А то уголовнички уже заскучали без нашего всевидящего ока. Совсем оборзели, безмозглые! Встретился сейчас с дежурным, он мне такую приятную во всех отношениях новость сообщил, что душа радуется. Наш старый знакомый вор-рецидивист, карманник и щипач Александр Павликов, известный в определенных кругах под псевдонимом Павлин, загремел...

– ...на кичу? – быстро спросил Васек, сидевший на подоконнике распахнутого окна и куливший, выпуская дым наружу, чтобы не портить воздух в отделе.

– ...в больничку! – хохотнул баском Орлов и с таинственным видом оглядел своих сотрудников. – Ни в жизнь не догадаетесь, по какой причине. Меня, когда я услышал, самого чуть паралич не разбил. В общем, так, не буду тянуть кота за хвост: звонил лепила из железнодорожной больницы, Коржиков – ну, тот самый, которого мы на прошлой неделе замели, что он рану бандиту зашивал без нашего ведома... Теперь-то он ученый... По секрету Коржиков сообщил, что наш общий знакомый Павлин обратился с жалобой, что он, мол, по своей неаккуратности... Это Павлин-то неаккуратный! – воскликнул дурашливо Орлов. – Павлин, который работает исключительно заточенной монеткой, вдруг при резке какого-то продукта... внимание!.. отрезал себе мизинец на левой руке! А на самом деле мизинец ему отрезали садовыми ножницами, так сказал заслуженный врач Коржиков. Как вам такая новость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.